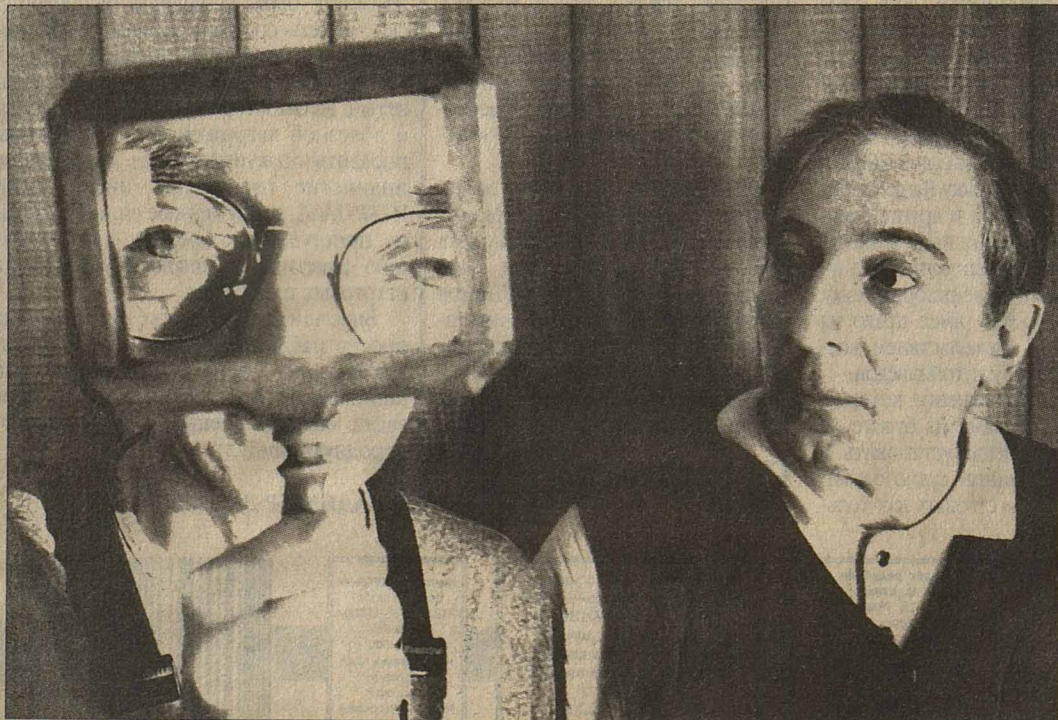

Горько...

Русский телеграф. — 1998. — 30 мая — с. 11
В московских кинотеатрах

*можно посмотреть фильм с таким же названием,
но с восклицательным знаком*

Сценарист Аркадий Тигай и режиссер Юрий Мамин очень любят пошутить

Новая комедия Юрия Мамина — единственная чистая, без примесей комедия года — вызывает разноречивые реакции, от смущения до ностальгии. К сожалению, смех к числу этих реакций не относится. От свадебного «Горько!» должно становиться сладко; от маминского остается кисловатый привкус во рту.

Подобно «Дню полнолуния» Карена Шахназарова «Горько!» подменяет сюжет серией виньеток, связанных темой, то есть не связанных почти ничем. Ожидающим приподнявшуюся невесту гостям ничего не остается, как убивать время скабрёзными хохмами. (Возможные «натуры» для «сиквелов»: КПЗ, очередь в ОВИР, баня, Дума; сочинить их у меня заняло семнадцать секунд.) Киноконцерт без заявок — удобный выход из неловкого положения, когда надо рассказывать историю, да еще желательно с развитием, характерами и пр.

Сценарный кризис в нашем кино продолжается — особенно болезненно как «кризис среднего возраста» у тех, кто начинал в период предгорбачевского безвременья, сделал имя в первые годы перестройки, а впоследствии обнаружил, что ему нечего больше сказать. Мамин (честно ли, вынужденно ли) молчал пять лет после не вполне заслуженного успеха «Окна в Париж», но эта пауза, проведенная на телевидении, не пошла ему на пользу. «Горько!» (соавторы сце-

нария, кроме Мамина, — Владимир Вардунас и Аркадий Тигай, последний к тому же сорежиссер) сделано без выношенности, обеспеченной годами сомнений, зато с самодовольством и необязательностью, свойственными совсем уж нецентральному телевидению.

У бессюжетной комедии дорога одна — в сторону «гэггов», экстракституаций, выщепленных до жеста. Многословие и распылячатость тут смертельны. С «гэгами» у «Горько!» проблемы. Вот жених, опаздывающий на свадьбу, застрял пальцем в дырке почтового ящика, а тут и шпана подоспела, голым оставила. Ухохочешься. Или байка про то, как негр, перепевший серенаду под окном сибирской красавицы, отморозил себе член и стал солистой Метрополитен-опера (за нее выступил Ленинградский мюзикхолл), выйдя замуж за такого же, как он, нелюдя. Или Народная артистка Немоляева, поскользнувшись на банановой кожуре, с воплем брачующегося глухаря плюхнулась в бассейн. Продолжать пересказ значило бы и дальше раздевать «подставившихся» авторов — неудобно как-то.

Однако винить Мамина стоит в пошлости, а не в отсутствии чувствительности юмора. С последним все не так просто.

Мамин прежде всего — сатирик, что очевидно по двум его первым и лучшим фильмам: «Праздник Нептуна» и «Фонтан». Сатирик отличается от лирического либо эксцент-

рического комедиографа тем, что целит в мишень, непременно общественную, всегда правящую. Не то что Мамин — и Свифт, и Гоголь оказались бы в нынешней России в беде: в стране без господствующей идеологии сатира в принципе невозможна — осмеивать нечего. Не о новых русских же, в самом деле, лася точить — проехали. Когда на вопрос: над кем смеетесь? — единственно возможный ответ: да ни над кем, так просто, сатира, как и ее кухонный заместитель, анекдот, испускают дух.

Не найдя подходящей мишени для остроумия, Мамин обратился к комедии положений, которую снимать: а) не умеет, б) вообще очень трудно. Что оригинальной смешной комедией всем до смерти хочется, так же очевидно, как и то, что в мире ее уже лет двадцать не видно. Где они, Тото и Тати конца христианского тысячелетия? Нет ответа, тишина. Если вспомнить, когда в последний раз мы хохотали перед экраном, становится жутко. Списывать все на взросление и утрату невинности не хочется. Но придется: в уставшей от собственной одномерности культуре, где все равно всему, смеяться и правда не над чем. Смех требует ценностной вертикали. Без нее нет пороков и недостатков, над которыми нас учили смеяться классики. Без нее палитрой вкусов правит один — горький.

Михаил БРАШИНСКИЙ